

Легенды Невского проспекта

Михаил Веллер

**Легенда о теплоходе
«Вера Артюхова»**

«АСТ»

Веллер М. И.

Легенда о теплоходе «Вера Артюхова» / М. И. Веллер — «АСТ»,
— (Легенды Невского проспекта)

© Веллер М. И.
© АСТ

Содержание

Михаил Веллер	5
1. Черный бизнес	6
2. На халяву и уксус сладкий	8
3. Пусть неудачник платит	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Михаил Веллер
Легенда о теплоходе «Вера Артюхова»

1. Черный бизнес

За долгий рейс моряк звереет. Советский человек и вообще-то зверь, а тут еще однообразие и ограниченный контингент окружающих рож идиосинкразию вызывает. При хорошем питании (а вся-то радость моряцкая – пожрать повкуснее) от отсутствия баб аж глаза заволакивает. Суда большие, остойчивые, автоматика до черта, – это тебе не в шторм по реям бегать, паруса вязать: неделями моряк не вылезает из жилых и рабочих помещений на свежий воздух. Ручки мягкие, ряшка белая, бока жирные, – привет от морского волка. Кормовые деньги гоняют из графы в графу, комбинируют, артельщик расстилается: маслице голландское, куры датские, мука канадская, баранина австралийская; пожрал – и в загородку: торчи себе в койке за пологом интимным, как перст. Естественно, моряк делается нервным.

Он нервничает и считает свои валютные копейки, переводя их в центы, центы – во всякие хорошие вещи, вещи – в родные деревянные рубли, рублей получается много, и это его улаживает. На этом занятии он заикливается, плюсует свои аж двадцать центов валютных в сутки по неделям и месяцам и в арифметических грезах обретает некоторое душевное равновесие среди неверных вод мирового океана.

Порт советского моряка унижает. Моряк марширует тройками в найдешевейшие лавки и злобно смотрит, как арабы с либерийских пароходов хохочут над ним из такси по пути в бордель и швыряются банками из-под пива. Для него такси – идиотская роскошь, проститутка – недоступная роскошь, пиво – редкая роскошь. Поэтому советский моряк любит китайцев. Китайцев в загранпорту вообще водят строем, в одинаковых синих казенных бумажных костюмчиках, и купить они не могут вовсе ничего: глазают бесплатно, насколько глаза раскрываются. А ведь за хлам из портовой лавчонки моряк и плавает. Дома он с добытым добришком – ковром, кроссовками, видиком, да еще если «тойотой» двадцатилетней подержанности, ветераном автосвалки, – является человеком зажиточным, ему завидуют соседи и норовят ограбить рэкетеры.

Вот от всего от этого моряк звереет. Предохранители в нем изнашиваются, разъедаются морской солью, и становится он взрывоопасен и непредсказуем, как мина-ловушка: ты и худого не чаешь, а она грохнет.

А в родном порту предусмотрены для него не психоаналитики, а обиралы-таможенники, и стресс он может разрядить способами исключительно дедовскими: водки врезать, бабу трахнуть, в морду вмазать: эффективные способы, но чреватые нежелательным побочным действием для кошелька, здоровья и биографии.

Особенно тяжело влететь в долгий фрахт. Везешь ты из Ленинграда в Амстердам прокат, а оттуда в Канаду станки, а оттуда в Японию пшеницу, оттуда в Африку автомобили, и болтайся так целый год, жди случая с попутным грузом вернуться домой. И эта неизвестность сроков дополнительно изматывает.

В тропиках хоть стакан сухаря ежедневно полагается. Якобы медицински, для здоровья, на деле же – чуток поднять дух. Ну, не шибко-то высоко с одного стакана сухого утомленный дух подпрыгнет, поэтому сговариваются по трое – и раз в три дня каждый высасывает объединенную бутылочку. Жданная радость, красная веха календаря.

И вот таким макаром сухогруз «Вера Артюхова» которые сутки торчит в одном вшивом африканском порту. Когда трудолюбивые африканцы сподобятся их разгрузить – неизвестно; когда и чем грузиться – неизвестно; когда домой – неизвестно... И на берегу делать нечего, пустая нищета, ни глазу, ни карману...

И дуреет в горячей металлической тени вахтенный у трапа, чинарики заплевывает и на причал их щелкает меланхолично, томится в тоске. Минуты считает. Дожить бы до обеда, похлебать крошки из холодильника и лечь в каюте под вентилятор, о бабе мечтать.

Лишь полдень перевалил, солнце плавится в парном мареве, пекло и глушь на пирсе.

И из этой глуши выделяется некая фигура и шествует неторопливо и важно по направлению к трапу. Приблизившись, замирает у нижней ступени, ощупывает взглядом пространство и начинает подниматься.

Вахтенный протер глаза, прочистил мозги затяжкой: поднимается! Черный старичок, дохлая тростинка. Поймал его взгляд, убедился в обвисшем красном флаге на корме, закопченной красной полосе на трубе, приосанился и неуверенно продолжает подниматься. Под каким ни попадя капиталистическим флагом можно от белого матроса и пинка получить. А советский негра ударить не может, им строго запрещено.

– Куд-да, – лениво цыкает вахтенный. – Гоу аут. Цурюк. Пошел на...

Этих на борт только пусти – по гайкам судно свинтят.

Негр-старичок осмотрительно останавливается за четыре ступени до верха, выпячивает куриную грудку и с достоинством рекомендует:

– Ай хэв бизнес. Ченч. Вери чип.

А черт его знает. Вдруг у него что-нибудь интересное действительно вери чип.

Смешное чучело и трогательное: ножки черные из полотняных шортов торчат, рубашечка перелатана, а сверху грибом – облезлый английский колонизаторский шлем «здравствуй-прощай», долженствующий символизировать, что обладатель его – человек интеллигентный и не чуждый мировой цивилизации. На шейке куриной болтается на ремennom шнурочке амulet. Очевидно, для покровительства в большом бизнесе.

И нагрудные карманы отдуваются, набиты, уголки торчат засаленные разномастных купюр. Ну – большой бизнесмен пожаловал. Меняла. Ченчила. Деньги, значит, менять. Прямо на месте, и скидка меньше, чем в банке. Смотрит вопросительно:

– Ченч?..

Вахтенный бурчит, с ненавистью к жаре, Африке, своей проклятой нищенской доле, каковая ненависть и переносится на чучело перед ним:

– Совет рублес.

Негр дипломатично соглашается:

– Совет – гуд.

А чего – гуд-то? Ага. Хрена ему нужны рубли. Сейчас.

Вахтенный на него смотрит снуло, смотрит, на шейку черную, на карманы оттопыренные, и в глазах его пробултыхивается какая-то мысль. Оживают глаза. Угощает он негра сигаретой. Тот принимает с важной вежливостью, прикуривает, благодарит милордовским полупоклоном, пыхает – всем видом старается напоминать вроде как Черчилля с его сигарой. А вахтенный снимает трубку телефона за люком на переборке и звонит приятелю в каюту:

– Слушай, – говорит, – постой пять минут у трапа, а? Что-то живот крутит, и вообще тошнит от этой жары, как бы тепловой удар не хватил.

Приятель мычит, блеет: что, зачем, неохота, будто нельзя в галюн и так отлучиться?.. кое-как соглашается.

И вахтенный радушно приглашает старичка к себе в каюту: мол, прошу, почтенный бизнесмен, выпьем, покурим, дела наши финансовые обсудим. Конвоирует его по коридорам напористо и ехидно.

И никто еще не предполагает, что из этого выйдет.

2. На халяву и уксус сладкий

В каюте усадил он ченчилу в кресло, подвинул пепельницу, направил вентилятор, поставил стаканы: прием по полному протоколу. Тот тихо раздулся от собственной значительности.

А вахтенный берет телефон – другому приятелю: др-р-р!

– Слушай, ты пузырь еще не выжрал?

Приятель – осторожно:

– А тебе что? – И, с предвкушением блаженства: – Вот стемнеет, будет попрохладнее – захмелюсь, хоть чуток кайф словлю. А чего так, походя, без толку...

– А того, что у меня ченчила сидит, так он рубли на валюту меняет!

– Какой ченчила?

– Какой-какой. Нормальный, местный. По трапу притопал, все карманы оттопыриваются.

– Он че, рехнутый? Или ты?

– Да у него весь видок с придурию.

– Че за видок?

– Старенький, черненький, сморщенный, и обмундирование на нем английского колонизатора, который сто лет в обед от старости помер.

– Кто помер?!

– Колонизатор.

– Какой колонизатор?!

– Английский, идиот!

– Да пошел ты, сам козел!

– Стой, не бросай трубку, дура! Я его одного в каюте оставить не могу, ведь сразу скоммуниздит что-нибудь!

– Ты че, вообще, крыша поехала?! Кто скоммуниздит – колонизатор?! А помер кто?!

– Забудь о колонизаторе!!! Сидит негр-ченчила. Набит деньгами. Меняет на рубли.

Понял?

– Понял. А что, рубль конвертировали, пока мы здесь? А колонизатор где?

– У меня в каюте!!! Негр!!!

– Колонизатор – негр?! У тебя??? Ты что, совсем екнулся!!!

– Сейчас приду к тебе – и удавлю на хрен!! Слушай: есть ченчила. Он негр. Он у меня в каюте. Он старый и черный. И худой. Килограмм двадцать. Ему в обед сто лет...

– Так кому сто лет-то?..

– Еще пикнешь – взорву тебя на хрен вместе с этим долбаным пароходом!!! Ему надо дать выпить. С почетом. Тогда он тебе вообще поменяет что хочешь на что хочешь. Ты – хочешь – менять – рубль – на доллар?

– Н-ну... не понял... хочу, ясно!

– Тогда: дуй сюда. Сию минуту. Будем менять. Никому больше – ни звука!

– Сказал бы сразу! Ты дверь запри! Бегу!!

– Стой! Пузырь возьми! Ты думаешь, я тебе че звоню?

– Сказал бы сразу! Стаканы есть? Бегу!!

– Стой! Не беги! Разобьешь.

Вахтенный в поту швыряет трубку и счастливыми междометиями и жестами поясняет негру, что сейчас глупый непонятливый бой, по голове его много били, принесет наконец выпить, и все будет хорошо. И ченчила внемлет ему со все более увеличивающимся доверием и достоинством, что вот, немаленький человек его принимает, бвана, слугу имеет на побегушках, который выпивку подносит.

Балдеет от своего плана вахтенный, хитроумный Одиссей: эх да он сейчас клюкнет на халяву холоденького, расслабится на полчаса вместо обрыдлой вахты, пока тот, что у трапа, не взорвется и свалит оттуда. Да винцо! да под сигаретку! на холодке! нет, бывает жизнь хороша и под нашим флагом.

3. Пусть неудачник платит

Приятель бутылку доставил трепетно, как младенца, проглотившего гранату. И с негром здоровается, обращаясь непосредственно к карманам. Руку карманам протягивает и треплет их интимно. И мука сладострастия борется в нем с мукой скупости: откупоривает бутылку. Плеснул на доньшки:

– За дружбу и интернационализм!

– Не скупись, – поощряет вахтенный, – ему побольше, себе поменьше. Ченч сделаем – гульнем!

– Но бутылка уж с тебя.

– Да? А с тебя что – за такой обмен? не жидься.

– Может, у него там стриженная бумага, – сомневается приятель. – Для понта.

– Ерунда! Вон края торчат.

– Мало ли у кого что торчит... Для понта.

– Лей-лей! – и вахтенный проглатывает ударную дозу, налитую не ему вовсе для баловства, а ченчילה для дела, и нагло командует: – А теперь ему! Пол-лней...

Мерит приятель скорбным взглядом остатки в бутылке, жмурящегося ченчилю, и мечтает:

– Эх... спиртика бы для КПД капнуть...

– Откуда?

– А у доктора.

– Разбежался он.

– А за деньги.

– Нужны ему.

– Валюту, балда!

Вахтенный оценивает ченчиловы карманы и говорит:

– Жалко.

А приятель зажегся идеей, в азарт вошел:

– А выпить? Не выпьет – вдруг сорвется? На советские-то рэ!

Ченчила исправно подтверждает:

– Совет – гуд.

– Слыхал?!

И приятель звонит врачу: уважаемый доктор медицины, дорогой-любимый, позарез приперло, полстаканчика, а?

Доктор любезно отвечает:

– А пошел ты на...

Приятель обещает вылизать доктору все интимные места и лизать их непрерывно до самого прихода домой, а также сулит в придачу свою бессмертную душу.

Доктор не хочет. Он утверждает, что относится одобрительно ко всем видам сексуальных связей, только вот к гомосексуализму как-то скептически. Что же касается души, то он и собственной обременен сверх меры, и охотно ее ссудит какому-нибудь долбаку вплоть до окончательной победы мирового капитализма.

Приятель надрывно вздыхает и выстреливает из сокрушительного калибра:

– А за доллар?

При звуках чудного зеленого сияния доктор делает паузу и меняет тональность. Осведомляется с ласковостью психиатра к шизофренику:

– А вы не пили, ребята, негритянской водки?

– Это которой?

– Это которая стакан холодной воды и молотком по голове.

Приятель смотрит в большой задумчивости на негра и обмозговывает предложенный рецепт.

– Извините, ребята, дать не могу. Приказ. Никому.

– Я не шучу, док. Прошу продать мне сто граммов медицинского спирта за один американский доллар.

Доктор с кряхтением усваивает информацию, и сообщает, что на таких условиях он согласен продать все наличные запасы спирта, а также аспирин, валидола, касторки, скальпели, шприцы, бинты, а еще есть дома жена и старушка-мама, так никто не интересуется? По сто грамм за доллар.

И приятель отправляется за спиртом. Там происходит душераздирающая сцена: доктор желает вперед деньги, потом стулья, а приятель клянется своей визой и морским царем-вседержителем, что так невозможно, млеет и блеет, намекает и гарантирует, и еле уносит драгоценное зелье.

И они разводят честно спирт в три стакана, разбавляют сухим, доливают водичкой, чтоб дополнительно растянуть кайф во времени и пространстве, и благостно выцеживают. И слегка даже балдеют.

И с удовлетворением хорошо и честно выполненного долга достают приготовленные рубли: поехали! Теперь все в порядке! Уже можно.

Негр сочувственно смотрит на рубли и говорит:

– Ноу.

Что-о?! Что значит «ноу»!!! Ведь все сделали как надо!..

Ченчила смотрит на них, как Рокфеллер на чистильщика обуви, и поясняет свою финансовую политику: из левого кармана бережно извлекает потертую долларовую банкноту, из правого – разворачивает местную бумажку величиной в скатерть и расцветкой в павлина, делает ими вращательное движение, и убирает доллар теперь в правый карман, а миллион своих местных бананогрошей – в левый. И вразумляюще произносит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.